

О Т З Ы В

**официального оппонента кандидата исторических наук
СУРЖИКА Дмитрия Викторовича на диссертацию Анфертьева
Александра Ивановича «Деятельность высшего военного руководства
России по сохранению боеспособности Вооруженных сил в 1917 году»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических
наук по специальности 07.00.02 - Отечественная история**

История революционных потрясений 1917 г. в России, как можно судить по научной жизни в год их столетнего юбилея, до сих пор является актуальным сюжетом для отечественной и зарубежной историографии. Рассматриваемая диссертация подтверждает этот вывод. Несмотря на большой хронологический период изучения историками различных школ и направлений сложных явлений Февральской и Октябрьской революции, не только в общественном, но даже в научном дискурсе можно с удивлением столкнуться с грубыми искажениями, а порой – и уже давно развенчанными фальшивками, относящимися к данным событиям. И здесь диссертация А.И. Анфертьева, основанная на солидной архивной и мемуарной источниковой базе обладает большим потенциалом для критики исторических мифов. Тем самым рассматриваемый нами труд имеет большой общественно-политическое значение.

Отметим также и новизну темы, взятой диссертантом для изучения. Если о политических реформах и кризисах 1917 г. в отечественной историографии и много работ, то проблемы военного управления оставались вне поля зрения отечественных исследователей. Поэтому диссертация А.И. Анфертьева является весьма важным трудом, который важен не только исследованием «закрытой» долгое время темы, но также обладает большим прикладным потенциалом. Практическая значимость работы состоит в возможности использования результатов исследования научно-исследовательскими учреждениями в качестве теоретической и источниковой основы для перспективных исследований мероприятий в направленных на укрепление обороноспособности страны, в учебном

процессе при изучении отечественной истории. В диссертации рассматриваются важнейшие проблемы, по которым до сих пор ведется дискуссия в историографии и историописании¹: роль Николая II как верховного главнокомандующего (с. 22).

Отметим продуманную рубрикацию списка источников и литературы, который включает в себя материалы из 12 фондов Государственного архива Российской Федерации, 13 фондов Российского государственного военно-исторического архива, 1 фонд Научно-исследовательского отдела Российской государственной библиотеки, 128 наименований опубликованных источников (включая подборки документов, а также отдельные издания источников личного происхождения), 10 наименований периодических изданий, 123 монографии и научные статьи, 14 диссертаций и авторефератов, 9 энциклопедий и научно-справочных изданий и два интернет-ресурса (включая Официальный сайт Министерства обороны Российской Федерации). Самая ранняя из этих публикаций датирована 1913 годом, а самая поздняя – 9 апреля 2018 г. Диссертант активно привлекал труды отечественной историографии как советского времени, так и новейшие. В частности, фундаментальный многотомный труд «Первая мировая война 1914–1918 годов. В 6 т.» (Под общ. ред. С.К. Шойгу. М.: Кучково поле, 2014 – 2018). Таким образом, можно справедливо утверждать, что диссертация основана на важнейших и на новейших трудах, так или иначе рассматривающих интересующую диссертанта тему.

---

¹ Напр., некоторые современные исследователи прямо говорят о том, что «принятие императором [Николаем II] в конце августа 1915 г. верховного главнокомандования лишь усугубило ситуацию. Пребывание в Ставке привело к ослаблению контроля над ситуацией в столице как политического центра империи; влияние же на разработку тех или иных военных операций было минимальным и сосредоточивалось в руках начальника штаба талантливого генерала М.В. Алексева». (Пахалюк К.А. Что делал Верховный в окопах мировой войны? (опыт символического анализа) URL: <https://histrf.ru/uchenim/blogi/post/post-1791> Дата обращения: 27.08.2018). О том, что Николаем II при занятии данной должности двигало не только желание помочь своим войскам в трудный час, говорит и сам диссертант: «после назначения Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича император не оставил попыток занять данный пост. Министры не единожды предпринимали попытки отговорить Николая II. Однако в августе 1915 г. император по данному поводу повторно собирает Совет министров. На этот раз ему удалось осуществить задуманное» (сн. 56 на с. 22). Таким образом можно судить о мотивации императора стать главноверхом, о его роли на данном посту (в диссертации этот вопрос раскрыт на с. 25–26) и последствиях этого самоназначения для политической обстановки в России.

Рассматриваемая диссертация имеет большой ряд очевидных достоинств. Большое внимание А.И. Анфертьев уделяет организации командования не только сухопутными войсками, но и российским ВМФ, раскрывая причины разобщенных и не всегда удачных их совместных операций. Изложение материала диссертации построено «сверху», но при этом большое внимание уделяется морально-боевому духу как на фронте (с. 46-47), так и в стратегическом тылу (с. 48). На основании наших исследований работы пропагандистских аппаратов основных стран-участниц Первой мировой войны, мы полностью поддерживаем вывод диссертанта о том, что «от войны устали не только войска на фронте, но и вся страна... в стране, несмотря на то, что она вела войну, сохранялись демократические порядки, характерные для мирного времени. Все это негативно сказывалось на авторитете главы государства как Верховного главнокомандующего» (с. 47). Именно разнузданная (иначе, ее переходящую всякие приличия, нельзя определить) антиправительственная пропаганда (как октябристско-меньшевистских, так и социалистических партий) подрывала авторитет Верховного Главнокомандующего, военной и гражданской власти вообще.

Большое значение для борьбы с искажениями истории Февральской революции имеет подробное (на с. 64–67) описание деятельности главнокомандующего армиями Северного фронта Н.В. Рузского, который уже фактом исполнения распоряжений Временного комитета Госдумы (при действующем императоре и Верховном Главнокомандующем – его непосредственном начальнике) может считаться одним из важнейших участников или пособников октябристско-кадетского заговора. Однако ни цель, ни задачи на каждом этапе, ни о состав заговора диссертант, хотя и многократно упоминает, но не раскрывает. Из приведенного в диссертации описания политической деятельности генерала Н.В. Рузского следует однозначный вывод именно о его, а не М.В. Алексеева ключевом участии в подготовке отречения Николая II непосредственно в Ставке. Среди других, основанных на архивных документах открытий, «по ходу» сделанных

диссертантом, - вскрытие действительных взаимоотношений между Верховным Главнокомандующим А.А. Брусиловым и военным и морским министром А.Ф. Керенским (с. 114 – 120). Несколько далее А.И. Анфертьев, приводя конкретные примеры, показывает, как более дипломатичному в общении с гражданской властью Л.Г. Корнилову удалось добиться полномочий по укреплению дисциплины в войсках.

Как один из элементов отмеченного нами ранее потенциала диссертации как средства борьбы с фальсификациями истории – авторская трактовка А.И. Анфертьевым событий, предшествовавших ультиматуму В.Н. Львова (якобы подписанного Л.Г. Корниловым) и оправданно критичное в этой связи восприятие данного документа – ключевого в т.н. «корниловском выступлении».

Положительно стоит отметить самостоятельный, глубокий и разносторонний анализ причин провала летнего наступления российских войск летом 1917 г. с описанием ключевых сражений каждого этапа, проведенный А.И. Анфертьевым на с. 97–100 с опорой на большой массив источников, трудов советской и российской историографии.

Особого поощрения заслуживает лаконичный, подкрепленный множеством примером анализ дезорганизующей роли для Вооруженных сил и в целом для страны не только Петросовета (тем самым разрушавших власть Временного правительства, готовя свою революцию), но – в первую очередь – военных и морских министров Временного правительства.

Положительно следует оценить и показ действительного предназначения добровольческих формирований («батальонов смерти» и женских батальонов) как пропагандистского шага. Действительно, их формирование преследовало цель укрепления морально-боевого духа в Действующей армии, но никак – не проведение каких-либо военных операций.

Стоит отметить большую информативность примечаний к основному тексту. Это и упоминавшаяся сноска 56 с краткой информацией о

предпосылках и восприятию современниками возложения на Николая II обязанностей Верховного Главнокомандующего. Другая сноска (109 на с. 40), повествуя о краткосрочной деятельности М.В. Алексеева на посту военного министра, содержит важнейший вывод о том, что после выведения Петрограда в самостоятельную административно-территориальную единицу из подчинения главнокомандующего Северным фронтом, начались перебои со снабжением столицы Российской империи. Таким образом, на лицо объективные трудности, спекулируя на которых политическая оппозиция царскому режиму пришла к власти.

Справедливы слова диссертанта (сноска 132 на с. 49) о том, что Россия, не раз спасавшая своих союзников (как в ходе Восточно-Прусской операции 1914 г., так и действиями Русского экспедиционного корпуса), могла рассчитывать на то, что Антанта в ходе очередной межсоюзнической конференции оценит своеобразие русского театра военных действий. Но вместо этого к Российской империи руководство ее союзников стереотипно относилось как «паровому катку», который медленно разогревается, но обладает нескончаемыми (и притом – лояльными) людскими ресурсами и, что самое главное, не обладает собственными целями в войне. А потому должен служить целям Парижа, Лондона и даже Бухареста. Именно поэтому (подробные причины излагаются в сноске 123 на с. 45) было прекращено планирование русским Верховным Главнокомандованием Босфорской операции.

Большое значение для восприятия вооруженной борьбы восставшего в феврале-марте Петрограда имеет сноска 183 на с. 63 с примечанием, раскрывающим действительную силу мятежников перед движущимися на нее войсками под командованием Н.И. Иванова. Не менее важна и сноска 233 на с. 79, повествующая о финансовом давлении Антанты на Временное правительство с целью ускорить летнее наступление русских войск.

Отметим также ценность сносок 162 и 163 на с. 56, в которых диссертант фактически делает научное открытие о том, что Николай II всё же готовил роспуск Государственной думы в январе 1917 г.

Вместе с тем, примечания в некоторых сносках вызывают недоумение. Так, в сноске 199 на с. 67 диссертант пишет о сомнениях некоторых современных авторов в законности документа об отречении Николая II из-за его ненадлежащего оформления. Но в этой связи стоит отметить, что в законодательстве Российской империи вообще не была предусмотрена процедура отречения императора и, уж тем более, не был разработан формуляр для соответствующего документа.

Точно также трудно согласиться с многократно повторенным диссертантом определением Исполкома или Времкома Госдумы, Петросовета и даже Временного правительства как нелегитимных органов власти. Если рассматривать февральские события как революцию, то эти, революционные органы власти не могут быть легитимными существовавшему ранее общественно-политическому строю, иначе мы говорим не о революции, а о государственном перевороте.

Вместе с тем, рассматриваемая диссертация не лишена ряда недостатков. Так, на с. 2 говорится: «... по итогам второй [мировой войны] Россия разделила победу с прежними союзниками». В действительности же, среди союзников России по Антанте были, например, Япония и Румыния, которые во Второй мировой войне были в рядах противников СССР. Та же ошибка присутствует на с. 230, где среди государств, получивших суверенитет в результате революций 1917-1918 гг. не называются Россия, Белорусская Народная Республика, государственные образования на территории Украины, а также Германия, Австрия, Венгрия, Чехословакия, Турция.

На с. 4-5, думается, следовало бы более четко построить изложение отечественной (советской) историографии событий 1917 г., объяснив основные направления и школы каждого из хронологических периодов, их

основные черты и направления исследований. Данный раздел введения выглядел бы более выигрышно за счет включения в него анализа соответствующих исследовательских трудов российской военной эмиграции. Здесь было бы также интересно ответить на вопрос, как повлиял научный анализ работы Ставки Верховного Главнокомандующего на политические и военно-административные решения 1941 г., а именно: учреждение Государственного Комитета Обороны и Ставки Верховного Главнокомандования.

Можно заметить, что в некоторых вопросах диссертант не всегда критично подходил к оценке информации из своих источников. Таких вопросов – три: 1) итоги так называемого «брусиловского прорыва», 2) обеспеченность российских вооруженных оружием и боеприпасами сил, а также 3) «иностранный след» в деятельности большевистской партии. За описанием благостной картины военных итогов 1916 г. (в сноске 53 на с. 21) читатель не видит проблем: удлинившейся (а не сократившейся, такой стратегической цели у русского наступления 1916 г. вообще не было) линии фронта, что не несло облегчения фронту и тылу, а наоборот. Число противников осталось то же, большое наступление, в ходе которого (в штурме Ковеля и в ходе других операций) А.А. Брусилов фактически «выбил» гвардейские части, которые не принесли никакого серьезного оперативного успеха. Напротив, явившийся на фронт (к своему сыну) председатель Госдумы М.В. Родзянко стал свидетелем крайнего недовольства гвардейских офицеров по отношению к высшему командованию². Через несколько месяцев после этой поездки лидер Партии народной свободы П.Н. Милюков без каких-либо помех со стороны председателя Государственной думы произнес свою революционную речь «Глупость или измена?», которую не перебивая, слушала вся

---

² См. *Открокова О.Ю., Синецын М.В.* Сын железнодорожного магната фон Мекка Аттал: судьба офицера лейб-гвардии Преображенского полка в годы Первой мировой войны // *Русская революция 1917 года в судьбах Приднестровья, России и мира: история и современность: Сборник докладов Международной научно-практической конференции, 3-4 ноября 2017 года* / Под общ. ред. И.П. Шорникова., А.В. Моспанова. – Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2018. С. 261 – 270.

Государственная дума, а затем – вся страна. Именно с этого выступления 1 ноября 1916 г. началась подготовка к свержению царизма кадетско-октябристской оппозицией.

Нельзя определить позицию диссертанта по вопросу о численности и снабжении Русской императорской армии, которая целиком остается «на совести» авторов приводимых источников. Так, на с. 21-22 А.И. Анфертьев заявляет: «В российские Вооруженные силы в достаточном количестве поступали новейшие образцы вооружения и техники. Во многом все это стало возможным в результате многоаспектной деятельности высшего военного руководства Российской империи». В то же время диссертант без какого-либо комментария оставил письмо начштаба главковерха М.В. Алексеева директору дипканцелярии при том же штабе Н.А. Базили о возможности проведения русскими войсками Босфорской операции. В этом документе, процитированном в сноске 105 на с. 39 говорится: «В настоящее время наш фронт, не считая Кавказа, представляет непрерывную линию окопов и укреплений, на протяжении 1650 верст. В среднем на каждую версту приходится 1 500 человек бойцов, при скромном числе орудий, значительно уступающем техническим средствам противника». Далее в основном тексте диссертации (на с. 40–44) диссертант, описывая интендантские заботы министра М.А. Беляева, дает куда более выпуклое описание материального снабжения русской армии, которое открывается весьма ярким наблюдением: «Несмотря на крайнее напряжение работ, в начале 1917 г. потребность армии в 3-линейных винтовках была удовлетворена примерно наполовину». Таким образом картина численности и снабжения российских войск остается по-прежнему лишенной четкого ответа.

Не понятно, какие именно материалы военной контрразведки о связях левого крыла РСДРП огласил 5 июля 1917 г. министр юстиции П.В. Переверзев. Обращаем внимание на то, что через несколько месяцев появятся еще одни документы о, якобы, финансовых выплатах немецкого генштаба

партии большевиков. Их передаст представителю Комитета общественной информации США Э. Сиссону российский литератор Ф. Оссендовский. Документы будут изданы Комитетом вскоре после событий 25 октября 1917 г. в брошюре «Германо-большевистский заговор» и послужат одним из поводов для охлаждения отношений между США и Советской Россией. «Документы Сиссона» будут изобличены как фальшивка Дж. Ф. Кеннаном лишь в 1922 г.³. В этой связи возникает вопрос, а не были ли «документы Переверзева» еще одной подделкой, выполненной Ф. Оссендовским?

Не совсем точным нам кажется формулировка диссертанта об отношении царя к усиливавшемуся политическому кризису в столице: «Верховный главнокомандующий Николай II в начале 1917 г., был поглощен заботами о действующей армии. Вместе с тем руководители высших органов государственной и военной власти упустили из виду политическую ситуацию в стране. Государь в условиях войны не предпринимал мер по улучшению уровня жизни основной массы тылового населения...» (с. 51). Тем самым, не игнорируя фактов, как бы размывается персональная ответственность. В то же время, свидетельства современников позволяют сделать более однозначный вывод об отношении государя к положению своих подданных и их недовольству, а также к подготовке революции: «Существовало довольно распространенное мнение, что государь не знал, что происходило вокруг. Это совершенно ошибочно. Всякими путями, и официальными, и неофициальными, он знал обо всем, за исключением, конечно, тайной (конспиративной) революционной работы. В январе 1917 г., не считая военных докладов, государь принял более 140 лиц. Со многими он обстоятельно говорил о текущем моменте, о будущем. Некоторые из этих лиц предупреждали Его Величество о надвигающейся катастрофе и даже об угрожающей ему лично, как монарху, опасности»⁴. И, если учитывать ситуацию самоустранения властей от решения насущных проблем, то

³ См. подробнее, напр., *Суржик Д.В.* Развитие центральных государственных информационно-агитационных органов США в первой половине XX в. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 85-86.

⁴ *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Минск: Харвест, 2004. С. 454.

действия думской оппозиции зимой-весной 1916-1917 гг. выглядят не просто как заговор, но как *вынужденный заговор вследствие самоустранившейся от решения тыловых проблем власти*. Другое дело, что профессиональная компетентность или личная воля не дали заговорщикам сделать хоть что-либо во благо России.

Диссертант, подкрепляя свою версию о бланкистском характере февральско-мартовских событий пишет, что беспорядки в Петрограде начались под воздействием слухов о нехватке в городе муки и продовольствия. Однако по мнению авторитетного специалиста, доктора исторических наук, профессора Уральского федерального университета С.А. Нефедова, с октября 1916 г. продовольственное снабжение столицы ухудшалось в силу непродуманных административных решений (проблем с транспортом, а также падения покупательной способности денег в условиях рыночной экономики) и природного форс-мажора, пока не достигло в конце января 1917 г. 370 вместо рассчитанных городскими властями 450 грамм хлеба на одного человека в день. «Это примерно соответствовало размерам хлебного пайка для рабочих Ленинграда в начале февраля 1942 г... Но в блокадном Ленинграде хлеб распределялся по карточкам, и каждому была обеспечена его мизерная пайка. В Петрограде хлеб получал тот, кто занимал место в очереди вечером и ждал всю ночь до открытия булочной в шесть часов утра. Первые покупатели могли получить по два фунта, а иногда и больше, но на половину очереди хлеба не хватало»⁵. В этих условиях обеспокоенность горожан становится более, чем понятной.

Нельзя также согласиться с одним из выводов заключения диссертации о том, что Октябрьская революция не была закономерной (с. 231). А.И. Анфертьев делает этот вывод на основании дискуссии в ЦК РСДРП(б) накануне 25 октября. Но, если взглянуть внимательнее, то окажется, что Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев высказывались не

---

⁵ Нефедов С.А. Продовольственный кризис в Петрограде накануне Февральской революции // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 3. С. 642–643. DOI 10.15826/qr.2017.3.242.

принципиально против вооруженного выступления, а за перенесение его сроков. Что же до закономерности Октябрьской революции, думается, здесь лучше всего обратиться к определению революционной ситуации, данному В.И. Лениным: «Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы „низы не хотели“, а требуется еще, чтобы „верхи не могли“ жить по-старому...»⁶ при этом существует и субъективный фактор – наличие воли масс и организующей силы⁷. О последних факторах мы еще скажем далее.

Диссертация – плод своей эпохи, и поэтому она органически впитала в себя некоторые современные противоречия отечественной историографии. Сегодня многими авторами по-разному стоит концепция февральских и октябрьских революционных событий. Несмотря на некий консенсус о термине «Великая российская революция» (он прозвучал на совместном заседании Российской академии наук и президиума Российского исторического общества «Столетие Великой российской революции 1917 года: научные итоги» 28 ноября 2017 г.), он до сих пор лишена однозначной трактовки даже в стенах академических институтов. Вместо попыток переосмыслить значение терминов «революция», «контрреволюция» и «государственный переворот» мы сталкиваемся с замалчиванием первых двух и повсеместным (к месту и без места) употреблением последнего термина. Поэтому не удивительно, что эта полемика нашла свое отражение и на страницах рассматриваемого труда. По мнению А.И. Анфертьева, отречение Николая II и установление власти Временного правительства, а затем его свержение большевиками нельзя называть революциями. Вместо этого он разделяет их на три составные части: заговор, государственный переворот и революционные преобразования в государственной и общественной жизни. Более того, из слов на с. 69–70 («Незначительное на первых порах распространение революционных взглядов в действующей армии, в сравнении с тылом, позволяет рассматривать февральско-

⁶ Ленин В. И. Крах II Интернационала // Полное собрание сочинений. Т.26. С.218

⁷ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полное собрание сочинений. Т.41. С.69-70.

мартовские события 1917 г. в столице не как революцию, а как случайно удавшийся государственный переворот») следует вывод о том, что одним из критериев революции он видит поддержку мятежников со стороны Вооруженных сил. Но, исходя из этого критерия, ни Великая французская революция 1789-1799 гг., ни Американская революция 1765 – 1783 гг. не могут считаться революциями, и трудно найти подходящую под эти критерии революцию.

Мы уже говорили, что успеху заговора лидеров думской оппозиции способствовали объективные трудности и недовольство широких народных масс. Поэтому мы не считаем корректным мнение о заговоре узкой группы лиц, которому (против своей воли) подчинились массы. Отметим, что на наш взгляд, в основных своих постулатах не утратило силы определение, данное в 11-м томе «Советской исторической энциклопедии»: «Революция социальная – коренной переворот в жизни общества, изменяющий его структуру и означающий качественный скачок в его прогрессивном развитии... Глубиной преобразований, охватом основных сторон жизнедеятельности общества – экономики, политики, идеологии, культуры – социальная революция отличается от более узких, частных переворотов, затрагивающих лишь отдельную сферу, - от политических (государственных) переворотов, не меняющих прежней структуры общества и основ политического курса, а также от промышленной революции, научно-технической революции и т.д.»⁸.

Безусловно, сменившаяся власть не может в одночасье провести глубокие, революционные изменения в политике, идеологии и других перечисленных сферах. Но, если такая воля у новой политической элиты есть, такие изменения последуют, как нам думается уже в первый год ее власти. Существующее в некоторых современных научных школах разделение революции как масштабного процесса изменений, на наш взгляд, лишает историков глубинного, целостного и системного анализа революций.

---

⁸ Советская историческая энциклопедия / Главн. ред.: Е.М. Жуков. – М.: Советская энциклопедия, 1968. Т. 11. С. 926.

Однако это мнение, как показывает продолжающаяся современная историографическая дискуссия, еще требует всестороннего обсуждения. Отметим, что эта и другие перечисленные содержательные проблемы непосредственно не связаны с темой диссертации и не имеют решающего значения для раскрытия темы рассматриваемого труда.

Присутствуют в диссертации и пунктуационные ошибки. В сноске 132 на с. 49 пропущена закрывающая скобка. В сноске 168 на с. 58 присутствуют лишние кавычки, от которых также следует избавиться название железнодорожной станции Царское село на с. 59. В сносках 271 и 272 на с. 99 отсутствуют номера страниц печатных изданий. На с. 101-102 можно наблюдать путаницу в нумеровании арабскими и римскими цифрами воинских формирований русской армии различного уровня: 13 Финляндский стрелковый полк, I-й Гвардейский корпус, 11-я армия. На с. 104 пропущен дефис в словосочетании «министров-капиталистов». На с. 125 поставлена лишняя запятая после частицы «как». На с. 145 во фразе: «... беспощадная борьба, и она будет подавлена» пропущена запятая.

Не совсем удачным стилистически следует признать предложение: «Тот факт, что на присутствии государя в Ставке настоял М.В. Алексеев, дал ряду исследователей повод рассуждать о его участии в заговоре против Николая II, и свою точку зрения пояснять тем, что в присутствии Верховного главнокомандующего в Ставке никаких видимых причин не усматривалось» на с. 53, занимающее пять строк. Но если проблема этого предложения – длина, то в другом предложении может произойти неверное осмысление: «период с 5 мая по 26 июля 3 раза менялись Верховные главнокомандующие. На этом посту 22 мая 1917 г. генерал А.А. Брусилов сменил генерала М.В. Алексева, которого 19 июля 1917 г. сменил генерал Л.Г. Корнилов...» (сноска 345 на с. 120). Неподготовленный читатель может понять так, что Л.Г. Корнилов сменил М.В. Алексева на посту главнокомандующего.

В целом же стоит заметить, что указанные замечания и дискуссионные проблемы не относятся к концепции исследования, его цели

и задачам. Наши предложения носят рекомендательный характер и не оказывают существенного влияния на положительную оценку диссертации.

Из нее в полной мере следует образ о Первой мировой как «учебной войне» для отечественной военной науки, которая смогла сделать выводы об организации высших органов гражданского и военного управления в годы Великой Отечественной войны. Решая одну из важнейших задач, сформулированных во введении, А.И. Анфертьев подробно раскрывает комплекс мер главковерхов по укреплению дисциплины в войсках, которые, однако, шли вразрез с популистскими мерами всех составов Временного правительства. Страна, чьи высшие органы политической и военной власти находились в жесточайшей оппозиции друг другу, была обречена на поражение в затяжной войне на широком театре с блоком противостоящих держав. Падение той или другой ветвей власти в этой ситуации являлось лишь вопросом времени.

Вместе с тем, присоединяясь ко мнению диссертанта, заметим, что Временное правительство своими некомпетентностью и волюнтаризмом также подорвало целостность государства и дискредитировало идею республиканского устройства в России. Именно полугодичное скандальное существование Временного правительства подтолкнуло значительную часть российских офицеров-генштабистов в лагерь большевиков⁹. Ведь декларации политического руководства страны шли вразрез с насущными необходимостями фронта: «Для Временного правительства идеальной была бы ситуация, при которой оставались бы нетронутыми завоеванные революцией политические права и свободы, а параллельно с этим каким-то образом наладилась бы дисциплина и боеспособность в Вооруженных силах. Однако эти два намерения противоречили друг другу» (с. 142-143). Однако взять на себя ответственность за проведение непопулярных, но необходимых

---

⁹ Одна из новых работ по этой теме: *Ганин А.В.* "Россию погубили офицеры Генерального штаба..."? Выпускники Николаевской военной академии между красным, белым и национальным лагерями Гражданской войны 1917-1922 гг. // Николаевская академия Генерального штаба (1832-1918). СПб., 2018. С. 87-146.

мер никто из состава всех кабинетов Временного правительства так и не решился. И здесь не оспорить предельно жесткую, но очень справедливую характеристику, данную А.И. Анфертьевым: «Причины, по которым новая власть не добилась успеха в экономике, по всей видимости, кроются в том, что революционеры во власти оказались по большей части авантюристами, не готовыми к управлению государством в условиях военного времени. В свое время им не составляло труда с думской трибуны публично клеветать на «царский режим», критиковать внутреннюю политику правительства, оказалось по силам и свержение монархии. Но вот управлять хотя бы на уровне правительства Николая II у них не получилось, поскольку многие из них не обладали должным уровнем профессиональных знаний и навыков. На фоне реформирования государственного аппарата Временное правительство предпочитало замалчивать основные проблемы государственного и военного управления. К таковым относились вопросы о войне и мире; о земле; о будущем государственном устройстве России» (с. 170-171). Можно только лишь расширить эти слова на общественную и военную сферы. Вместе с тем в командовании Действующей армией Временное правительство запустило в ход две тенденции: прямо пропорциональную политизированность высших офицеров, обратно пропорциональную их компетентности.

«Выпустив из бутылки джинна» «демократических начал в войсках», Временное правительство оказалось заложником ситуации галопирующего скатывания страны в анархию. Переломить эту ситуацию, как заметил революционер-теоретик П.Ж. Прудон, могла лишь жесточайшая диктатура, которую пришлось устанавливать большевикам в экстренном режиме. (Кстати, упоминаемый А.И. Анфертьевым немецкий план наступления «Фаустшлаг» с конечной целью свержения большевиков также косвенно подтверждает отсутствие какого-либо сговора двух этих сторон). Более того, нельзя не отметить, что в последние несколько месяцев существования Временного правительства «чехарда главковерхов» (как продолжение системного кризиса еще царской власти – «министерской чехарды») вышла

на новый уровень. Теперь политические власти рассчитывали удержаться, сея «контролируемый хаос» и противопоставляя разные рода войск. Например, – регулярную армию и казачество в ходе Московского государственного совещания 14 – 15 августа 1917 г. Постоянные отставки и репрессии главковерхов Временным правительством и дискредитация младшего и старшего офицерства солдатскими комитетами, также легализованная Временным правительством, как справедливо отмечает диссертант, имела куда более сильное разлагающее воздействие на войска и на страну в целом, чем агитация большевиков.

Изучение материала диссертации показало, что автор имеет высокую теоретическую подготовку, уверенно владеет современными методами военно-научного исследования. По материалам диссертации имеется достаточно авторских публикаций и реализаций. Основные положения диссертации изложены в 8 научных работах автора, в том числе в 4 статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, определяемых перечнем ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Диссертация А.И. Анфертьева является самостоятельным, законченным научным исследованием, имеющим важное теоретическое и практическое значение для развития отечественной исторической науки. При этом автор проявил умение самостоятельно и творчески подходить к решению поставленных научных задач. В заключении диссертант смог прийти к окончательным и самостоятельным выводам по всем выдвинутым им во введении задачам и структурным компонентам диссертации.

ВЫВОД: диссертация Анфертьева Александра Ивановича на тему: «Деятельность высшего военного руководства России по сохранению боеспособности Вооруженных сил в 1917 г.» является научно-квалификационной работой, самостоятельно выполненным, законченным историческим исследованием, имеющим научную и практическую значимость. Данный труд соответствует требованиям п. 9 «Положения

о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением № 842 Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. (в редакции Постановления Правительства РФ от 28.08.2017 г., № 1024), предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – отечественная история.

Официальный оппонент
Старший научный сотрудник
Отдела истории XX века
Института всеобщей истории
Российской академии наук

кандидат исторических наук Д.В. Суржик

«30» августа 2018 г.

119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт всеобщей истории Российской академии наук»,
Центр истории войн и геополитики
телефон: 8(495)938-17-66
факс: 8(495)938-22-88
e-mail: warhistory@igh.ras.ru

